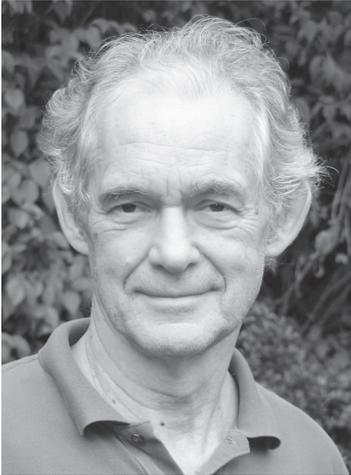

АНТРОПОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ КРИСТОФОМ ВУЛЬФОМ

— *Мой первый вопрос довольно традиционный: кем вы себя считаете? Вы антрополог, историк, социальный ученый в широком смысле?*

— Наверное, у меня междисциплинарная и межкультурная идентичность. Мое понимание антропологии гораздо шире. Я считаю, что сегодня существуют четыре главные парадигмы антропологии. Одна связана с гоминазацией, что означает процесс, посредством которого мы становимся людьми, *homo sapiens*, процесс длиной в 5 миллионов лет, по меньшей мере, процесс, связанный с эволюцией жизни и планеты. Это первая парадигма. Вторая парадигма, развивавшаяся в контексте философской антропологии в Германии, связана с именами Шелера, Плеснера и Гелена: отправная точка здесь — различия между человеком и животными. Главная идея в том, что для человека важен первый год жизни, так называемый внеутробный год, когда он полностью зависит от других людей. Это означает огромную пластичность в формировании и обучении человека и в этом одно из его главных отличий от животных. Другое отличие — необходимость иметь культуру, поэтому люди могут жить как в Гренландии, так и в Амазонии. Мы обучаемы, мы открыты миру, мы можем приспосабливаться к окружающей среде и к миру. Это вторая парадигма. Первые две парадигмы — гоминазация и философская антропология — рассматривают человека в универсальном смысле. Они пытаются ответить на вопрос, что такое человек.

— *Изучая гоминазацию, вы обращаетесь к естественным наукам, например, к эволюционной биологии?*

— Я считаю, что все парадигмы, к которым я обращаюсь, содержат фундаментальные откровения о человеке. В центре моего внимания находится историческая и культурная антропология, однако я убежден, что философская антропология и естественнонаучные исследования, например, в области палеонтологии и этологии, во многом способствуют пониманию того, что такое человек. Я рассматриваю антропологию как знание о существе смотрящем вверх, это первоначальный греческий смысл слова *anthropos*. Все парадигмы что-то дают, и каждую можно критиковать с позиции другой. Но совершенного знания не существует, знание всегда имеет преходящий и ограниченный характер. В этом смысле я принимаю открытия, сделанные как в парадигме гоминизации, так и в парадигме философской антропологии.

— *А третья парадигма?*

— Третья парадигма — это историческая антропология, антропология в истории, развитая школой «Анналов» во Франции примерно в то же время, что и философская антропология в Германии. Она сосредотачивается не на универсальном знании о человеке, а на специфическом историческом знании, в данном времени и в данном месте. Это очень важный подход, потому что он использует понятие «ментальности», рассматривает вопрос исторического развития эмоций и установок по отношению к жизни и другим людям, он очень много дает для понимания человека. Это диахроническая парадигма — каково, например, значение смеха во Флоренции XVI в., — также важен ее интерес к жизни простых людей. Часто история, особенно политическая история, слишком подчеркивала роль лидеров: правителей, императоров и т. д.

Четвертая парадигма сосредоточена на синхронических исследованиях, это социальная антропология и этнология, которые пытаются обнаружить специфические характеристики данной культуры. Например, ритуалы рассматриваются как «окна в культуру», многочисленные исследования посвящены ритуалам, с помощью которых пытаются получить откровения о той или иной культуре. Это очень важная парадигма, поскольку она дает актуальное знание, знание об актуальной ситуации людей в обществе. Но так же, как и в случае с исторической антропологией, она фокусируется не на универсальном, как в случае первых двух парадигм, но на специфическом, специфике данной культуры. Вы пытаетесь понять эту культуру, сравнить ее с другими, обнаружить ее особенности.

Мой собственный подход, который я называю историко-культурной антропологией, является синтезом этих четырех парадигм, в особенности трех последних. Я считаю, что современные антропологические ис-

следования должны сосредотачиваться на изучении истории, чтобы понять историчность современности. Они должны учитывать культурно-антропологические и этнологические исследования, чтобы понять культуральность нашего времени. И они должны сочетать эти два типа знания посредством философских вопросов и философской рефлексии о нашем времени.

Вопрос о том, что такое человек, становится очень важным в эпоху глобализации. 100 лет назад ответ был прост — это белый европеец, и все. Мы должны переосмыслить наше бытие в мире, и это как раз то, что меня интересует.

Я 10 лет посвятил исторической антропологии, 10 лет — мимесису как процессу культурного обучения, поскольку я считал, что мимесис — это основная форма культурного обучения, следующие 15 лет — культурной антропологии, хотя, конечно, я всегда сочетал эти перспективы. Вот, вкратце, три основных направления моих исследований.

— *Но такой интегральный подход требует широкого образования. Какое образование получили вы?*

— Всего понемногу. Когда я начал учиться, в первом семестре я изучал литературу, философию, социологию, религиоведение, право. Это было возможно в немецкой системе образования. Затем я изучал французскую литературу и французскую цивилизацию во Франции, но экзамены я сдавал по истории, философии, этнологии и педагогике. А потом я многому научился сам, особенно в междисциплинарных коллективах.

— *А ваше диссертационное исследование? Какова была его тема?*

— Развитие учебных программ по социальным и политическим наукам в Соединенных Штатах, т. е. меня интересовало образование в области политических и социальных наук, особенно антропологическое образование. Я стажировался в США, в Стэнфордском университете, собирал материал и писал работу. Частично мои построения совпали с моделью развития образования в Германии, но с определенными отличиями.

— *Какова сейчас модель подготовки аспирантов в Германии?*

— У нас две системы подготовки аспирантов. Первая имеет последовательную структуру и длится три года, в течение которых вы участвуете в определенной аспирантской программе. Вторая — это старая немецкая система подготовки аспирантов, когда вы договариваетесь с профессором о теме исследования, методологии и т. д. Я работаю с обеими этими системами. По первой системе я сейчас участвую в двух последовательных аспирантских программах. Одна в области искусств, там 15 аспирантов, специализирующихся по разным искусствам: танец, театр, литература, музыка, кино, другие искусства, а также по антропо-

логии. Тема другой программы — язык эмоций. И по второй, свободной системе у меня 35 аспирантов.

— *Так много?*

— Да, слишком много. Но я думаю, что 10 человек защитятся уже в этом году.

— *Сколько времени в среднем требует подготовка диссертации?*

— Очень по-разному. Когда аспирант получает стипендию, предполагается, что он должен защититься через 3 года. Многим нужно больше времени, особенно тем, чьи исследования не финансируются. Я написал свою диссертацию достаточно быстро, за 6 месяцев, но уже после того, как собрал весь материал, и я писал по 12 часов в день. Но в идеале процесс должен занимать 3 года.

— *Вы сказали, что в течение десяти лет вы занимались исторической антропологией?*

— Да, мы начинали с исследований в области исторической антропологии. Например, мы реконструировали, чем сейчас является тело. Мы развили антропологию чувств. Мы работали над понятием души — понятием, которое в течение двух тысяч лет было таким важным для Европы, но которым сейчас больше не интересуется психология, потому что его невозможно операционализировать (смеется). Вместе с коллегами мы опубликовали две книги на эту тему.

Также мы реконструировали такие понятия, как время и пространство. Пространство и время взаимосвязаны сейчас, в условиях ускорения жизни и ускорения посредством новых медиа. Мы организовали большую конференцию в Венеции под названием «Tempo Morente», «Умиращее время». Нас интересовало, как менялось понятие времени, как хронография стала преобладать над другим опытом времени, над *кайросом*, циклическим временем. Это было итало-франко-немецкое сотрудничество.

— *Вы были близки к историкам школы «Анналов», которые также изучали эти темы?*

— Да, однако они историки, а мы больше вдохновлялись философией, но, конечно, я согласен, мы близки к ним, многие наши темы пересекаются, например, тема смерти. Как раз сейчас мы вместе с коллегой из университета Киото пишем книгу о западном и восточном понимании смерти, это книга в форме переписки.

Также мы занимались изучением чувств, мы провели исследование о судьбе любви, работали над смехом. Основная идея была в том, чтобы изучать эти человеческие проявления междисциплинарно, чтобы лучше понять наше время. Мы занимаемся изучением исторических явлений, в процессе этих исследований в течение 10 лет мы привлекали 200 чело-

век, представителей 30 дисциплин из 15 стран. И мне кажется, что в результате мы получили фундаментальное знание о современном человеке и о человеке в европейском контексте. Это была европейская антропология, сфокусированная на историчности и культуральности Европы. В итоге мы опубликовали 15 книг. Книга, в которой мы попытались обобщить итоги этой темы, называлась «Логика и страсть», — и такое же название получил весь этот междисциплинарный и межкультурный антропологический подход.

— *Это колоссально!*

— Это был инновационный проект, и он был сфокусирован на двух аспектах: междисциплинарности и международной. Мы старались преодолеть границы между дисциплинами. Понятие дисциплины возникает в XIX в., значимо для XX в., но в конце XX в. мы поняли, что новое знание находится между дисциплинами.

— *Действительно, что значит, например, дисциплина «тело» или «эмоции»?*

— Эти явления нельзя понять, воспроизводя дисциплинарную структуру. Мы должны преодолеть ее. Это одно из моих главных эпистемологических устремлений. Второе мое устремление — это межкультурная работа. В японско-немецком изучении семейных ритуалов у нас три международных коллектива. Мы идем в поле, в Германии и в Японии, и различия проявляются уже на стадии концептуализации, т. е. уже на уровне исследовательских команд, что очень интересно. Конечно, это требует времени и большого терпения, но у нас очень хорошие личные отношения. Я уже упомянул, что работаю с коллегой из Японии, мы пишем книгу о смерти, это книга в письмах, мы пишем письма друг другу. Она также переводит одну из моих книг, т. е. это долговременное сотрудничество. Мы проводим конференции в Японии, в Берлине, встречаемся, обмениваемся идеями, ведем очень интенсивную неформальную, а иногда и формальную подготовку к такой транскультурной работе.

Но этот проект — «Логика и страсть» — был сосредоточен на Европе, и основной задачей было реконструировать основные темы европейской истории, чтобы лучше понять настоящее. Это была новая перспектива. Историки также обращаются к исторической антропологии. Например, как я уже сказал, они интересуются смехом во Флоренции XVI в., ищут все возможные документы и свидетельства, и это замечательно, однако в нашем случае главным было самопонимание, т. е. познание нашего времени.

Это было в 1980-е гг., а тогда эти понятия — логика и страсть — еще не были так развиты, и мы способствовали их развитию. Например, мы

опубликовали книгу «Возвращение тела», а сейчас это одна из главных парадигм в гуманитарных науках, и не только в Германии — и во Франции тоже.

— *И в Великобритании, работы Брайана Тернера, например...*

— Да. Затем мы опубликовали книгу «Антропология чувств» о различных способах формирования чувств в нашей культуре. Главные ее темы — гипертрофия визуализации, роль орального, что такое синестезия, что такое чувства запаха и вкуса, чувство осязания...

— *Вы сказали, что второй важный период вашей работы был связан с разработкой понятия мимесиса...*

— Да, я рассматривал мимесис в контексте искусства, культуры и общества. Вместе с моим другом, берлинским философом Г. Гебауэром мы написали книгу, в некотором роде историю миметического мышления в Европе начиная от Платона и заканчивая Деррида, Беньямином и Адорно. Идея была в том, что миметическое обучение не всегда одинаково, оно меняется в зависимости от исторического контекста. Это как семейное сходство. Существуют различные миметические процессы, которые сосредотачиваются на различных явлениях. За 10 лет мы с Г. Гебауэром написали 3 монографии, чтобы показать, что культурное обучение является в большой степени миметическим обучением. Миметическое обучение не означает простое подражание или копирование. Это творческий процесс.

— *Получается, что креативность присуща любому социальному действию?*

— Да, любому. В этом смысле мимесис — креативная деятельность. Люди создают мир, создают себя. Это не просто подражание, как часто думают, это нечто продуктивное. И без этой продуктивности у нас не было бы культуры, мы не могли бы передавать культуру из поколения в поколение. Мы используем другого человека в процессе собственного становления. Примером этого может быть то, как дети учатся ходить, говорить или чувствовать. У меня был большой проект, посвященный рождению, поскольку я пытался вновь открыть феномен рождения для гуманитарных наук. Все говорят о смерти, а я подумал, что подойти к жизни с другого конца не менее интересно. В этом контексте мы изучали, например, то, как дети учатся, подражая матери, и как мать подражает ребенку и помогает ему развить экспрессию и чувства. Это была очень основательная работа. И затем мы провели исследование миметических феноменов социального — ритуалов, жестов и игр. Это стало масштабным новым исследованием, в котором мы показали, что основные виды человеческой деятельности имеют миметическое основание и не могут осуществляться без него.

Третий период развития моей историко-культурной антропологии связан с этнографией, этнологией и культурной антропологией. Я руководил берлинским исследованием ритуалов, уникальным исследованием, которое продолжалось 12 лет и было сфокусировано на одной школе в центре Берлина. Мы изучали 300 школьников, принадлежащих к 20 этническим группам, довольно сложная ситуация. При обращении к школе в центре нашего внимания были 4 основные сферы социализации: семья (мы делали выборку семей учеников этой школы), школа, молодежная культура (культура группы ровесников) и медиа. Это исследование уникально по своей сложности и продолжительности. В нем приняли участие 20 молодых исследователей, — некоторые из них сейчас уже профессора, — было издано 20 книг. Последняя книга, сейчас она на стадии завершения, о роли жестов в образовании и социализации. Ее идея в том, что значительная доля образования осуществляется не только вербально или концептуально-аналитически, но с помощью движений тела. И здесь мимесис играет, конечно, важную роль.

В других исследованиях мы также изучали значение ритуалов в образовании социального. Наша основная мысль состояла в том, что социальное невозможно без ритуалов. В нашем исследовании мы использовали широкое определение ритуалов, начиная с очень заметных, таких, как литургии, церемонии, праздники, двигаясь к ритуалам повседневной жизни, как, например, приветствие, среди которых существует большое разнообразие и которые указывают на групповую идентичность. Также мы изучали образовательные ритуалы, значение ритуалов, значение их повторяющегося характера, перформативности для образовательного процесса.

— *Перформативности?*

— В этом состоял наш главный интерес. Это то, что мы включили в исследование ритуалов, в особенности в образовании, — мизансцена, инсценировка человеческого тела в ритуалах. Именно благодаря перформативности ритуал становится таким действенным и столь отличным от простого вербального обмена. Вы привносите в мизансцену свое тело, вы действуете с помощью тела, именно с помощью языка тела вы устанавливаете отношения с другими людьми в ритуале.

Если обобщить, почему ритуалы так важны, то можно назвать следующие причины. Во-первых, потому, что ритуалы создают социальное. Во-вторых, они способствуют преодолению конфликтов в группе, поскольку когда члены группы делают что-то вместе, они подавляют различия, возможно, напряженные отношения между собой. В-третьих, ритуалы облегчают память. Они вписывают важные темы в воображение людей и облегчают их запоминание. В-четвертых, они важны, потому

что их можно истолковать по-разному, но, тем не менее, когда они исполняются, они выполняют интегративную функцию, несмотря на различные интерпретации. Следующее положение связано с тем, что ритуалы функционируют благодаря миметическим процессам, протекающим между людьми, поскольку, когда вы исполняете ритуал, вы стараетесь гармонизировать ваше движение, общаться с помощью тела, и вы делаете это в миметических процессах. Можно добавить и другие важные моменты. У ритуалов есть начало и конец, они всегда включают отношения власти, хотя иногда скрытым образом. Так что критика ритуалов должна прояснять различия в том, как в ритуалах проявляется власть. Этот перечень можно продолжать, но главное в том, что ритуалы играют важнейшую роль в институциях, потому что с помощью ритуалов институции вписываются в тела живущих в них людей. Ритуалы не столь консервативны, как люди думают, они могут быть очень инновационными. Это означает, что если вы, например, хотите реформировать институцию, вы должны изменить ее ритуалы. Молодежная оппозиция также часто выражается в ритуализации молодежных групп, молодежной культуры. Молодые люди используют ритуалы, чтобы показать свое отличие от мира взрослых.

— *Не могли бы вы привести пример?*

— Например, ритуалы сопротивления в движении за мир, в экологическом движении. В Германии 10 тысяч людей взяли за руки и создали цепь человеческих тел или сотни тысяч людей зажгли свечи, чтобы выразить свой протест против насилия, которое было совершено против иностранцев. Таким образом, ритуалы важны в формировании сообщества. Семьи нуждаются в ритуалах. Я руководил исследованием, в котором мы сравнивали семейные ритуалы в немецких и японских семьях, мизансцены и инсценировки Рождества, то, как во время этого праздника семьи показывают свою «совместность». Мы сосредотачивались в основном на инсценировании Рождества, наблюдали, каким образом семья показывает свою общность, свое счастье во время празднования Рождества в Германии или Нового года, большого семейного праздника в Японии (результаты этого проекта будут опубликованы на японском и на немецком языках). Таким образом, с помощью внимания к ритуалам мы также противостоям основополагающему допущению европейской культуры о значении индивида. Вы становитесь индивидом только благодаря вашим социальным отношениям, внутри социального, в процессе использования ритуалов. Я согласен с П. Бурдые, с которым мы некоторое время интенсивно сотрудничали и дружили, в том, что ритуалы помогают обрести практическое знание. Это очень важно, потому что в социальных науках долго не замечали важности практического

знания — фокусировались на когнитивных структурах, аналитическом знании, но то, что делает людей способными жить — это практическое знание. Мы способны к инсценированию ритуала, а не только к его анализу. Самое важное то, что мы знаем, как обращаться с этим практическим знанием, как вести себя в институциях и в ритуалах. Это то, чему мы обучаемся в миметических процессах, это существенно для обучения и образования, это является также и новым взглядом на образование. Таким образом, изучая ритуалы, мы обращаем внимание на различные сферы, от литургии до ритуалов повседневной жизни, образования и других важных областей социализации.

— *А какие методы, какие исследовательские техники вы используете в своей работе?*

— Для меня наиболее интересен комплексный подход к антропологии. Это не история, не философия, не этнология. Это сочетание диахронического, синхронического и рефлексивного методов, что и делает его таким интересным. Именно такой подход отражен в моих публикациях, которые, кстати, переведены на 20 языков. Вообще каждый подход, каждый метод дает особое знание, которое нельзя получить другим методом.

Так, мы проводили полевые исследования. В течение многих лет я целые недели проводил в школе. Мы использовали неструктурированные открытые интервью и групповые дискуссии, поскольку в групповых дискуссиях вы получаете доступ к воображаемому людей. Когда вы проводите обычное интервью, его структуру задаете вы. Когда же люди начинают обсуждать что-то между собой, то они сами решают, как это будет и как к этому относиться. Таким образом, вы получаете хороший доступ к коллективному воображаемому. Кроме того, вы получаете взгляд с точки зрения самих людей, тогда как при наблюдении вы получаете внешнюю перспективу, перспективу третьего лица, в отличие от первого лица в групповой дискуссии. Кроме того, мы используем триангуляцию, сравнивая взгляды разных людей и результаты, полученные разными методами. Мы брали групповые интервью с учителями, с детьми, с учениками начальной школы, что особенно трудно. Мы использовали участвующее наблюдение, как простое, так и с использованием видео. Также мы использовали герменевтическую интерпретацию школьного здания, его архитектуры, оформления классов учителями и детьми, образовательной атмосферы, школьной культуры, различных школьных стилей.

— *Вы изучаете этими методами образовательные, семейные контексты?*

— Не только. Это больше вопрос ограничения знания, но не принципа. Я писал, например, о церемонии инаугурации Буша как о ритуале, я рассматриваю также право как ритуал.

Исследования, которыми мы занимаемся, показывают, что социальные явления — это очень сложные явления, которые не поддаются только одной интерпретации. Чтобы понять их, необходимо их контекстуализировать. Например, жест агрессии может означать дружеское отношение к другому человеку, ребенку. В ответ ребенок начнет смеяться и тоже «угрожать», и очевидно, что вне контекста вы можете истолковать этот жест как агрессию. Вначале мне казалось, что мы можем создать типологию жестов, но это не удалось, потому что в зависимости от контекста жесты означают очень разные вещи. Это же можно сказать и о ритуалах. В ритуалах важно то, что они динамичны. Они развиваются, они изменяются — вы ничего не можете повторить в социальной жизни. Даже в случае подписи — графолог скажет вам, что она всегда разная. Это верно и в отношении более сложных социальных процессов. Конечно, у нас есть внутренние образы, которые руководят нашим поведением и действием, но само действие всегда новое, и его можно изучать. Например, рождественские ритуалы. На первый взгляд, они выглядят одинаково. Но если углубиться в детали, будет видно, что они каждый раз творятся по-своему.

— *А как вы попадаете в семьи, чтобы изучать эти ритуалы?*

— Разрешение нужно получить только на Рождество (смеется). Я сказал жене, что меня не будет дома в Рождество, она очень расстроилась, у нас даже произошел небольшой конфликт. И тогда мои дети, уже взрослые, предложили праздновать Рождество в 10 часов вечера. Так что это священная сфера для моей семьи, и для других тоже, особенно для семей с детьми — но все они были открыты, я восхищаюсь ими. Я, например, совсем не уверен, что моя жена согласилась бы участвовать в таком рождественском исследовании. Но в любом случае начинать нужно. Это похоже на мой джоггинг — каждое утро я 20 минут бегаю, пробегаю примерно 3 километра. Мне говорят, что для достижения эффекта нужно бегать хотя бы полчаса, — возможно, но дело в том, что я хотя бы бегаю, а те, кто говорит о достижении эффекта, не бегают вообще.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— В последние годы я занимаюсь двумя вещами. Первое исследование касается жестов и образования, и оно уже близко к завершению, второе посвящено контактным зонам, в которых встречаются представители разных культур. Это может быть Всемирная выставка, например, выставка в Осаке, которую мы изучали. Это может быть школа в контексте современного города, другие самые разные явления, медиа или чемпионат по футболу, т. е. ситуации или ритуалы, в которых люди из разных культур встречаются и взаимодействуют. Это исследование я также заканчиваю вместе с моими молодыми коллегами.

В последние годы я начал переосмысливать и перерабатывать понятие эмоций. У меня сейчас около 10 различных проектов, посвященных эмоциям.

Я уже говорил о нашем десятилетнем исследовании «Логика и страсть». Теперь я вновь обратился к нему с помощью этнографического подхода. Я стараюсь больше сосредотачиваться на реальных ситуациях. С помощью германо-японского коллектива, состоящего из 12 исследователей, мы изучаем счастье у детей, сравнивая немецкую и японскую школу.

Другое наше исследование касается признания в школе, значения признания для детей, потому что признание — т. е. когда их слушают, когда на них обращают внимание — это основа их интеллектуального и социального развития, что включает и вопрос достоинства. Признание — это широко обсуждаемая тема сейчас. Я использую это понятие несколько в другом смысле, чем А. Хоннет, хотя я ценю его вклад в разработку этого понятия. Мы больше сосредоточены на образовательном контексте. Изучение признания в образовательном контексте имеет давнюю традицию, в которой эмоциональная связь взрослого и ребенка является конститутивным фактором для обучения ребенка, для формирования молодого человека.

Кроме того, у нас выходит серия книг, посвященных эмоциям. Первая, написанная совместно с моим коллегой и другом из Гейдельберга, это книга об Индии, «Образы тела в Индии», она выходит в этом году в издательстве «Рутледж». В следующем году выйдет наша книга об эмоциях в ритуалах, как эмоции создаются в ритуалах.

Затем мы планируем конференцию о чувствах, где в центре внимания будет сравнение Европы и Индии и Юго-Восточной Азии, по ее результатам также планируется выпустить сборник. Еще одно исследование, которое мы проводили здесь, в Петербурге, было посвящено движению и эмоциям.

— *Движению и эмоциям?*

— Да, ведь даже этимологически это одно слово, от слова *emovere*. Мы смотрим на телесность, на движение в создании эмоций. Например, во время литургии в церкви люди становятся на колени, исполняют определенные ритуалы, и эти телесные движения вызывают эмоции. Это второй центр нашего интереса. Третий центр интереса — это отношения между воображением и эмоциями, этой темой я буду заниматься в Бразилии в латиноамериканском контексте. Это планируется следующей весной, а нынешней осенью вместе с моим коллегой из Института Макса Планка в Берлине мы планируем провести исследование о воспитании эмоций. Там мы будем также использовать три измерения:

историческое, культурно-антропологическое и образовательное, мы попытаемся связать их в исследовании. Еще один проект ведется в арабском мире, в Бейруте — «Эмоции и транскультурный мир». Он пытается дать ответ на вопрос, как эмоции связаны с культурными различиями.

— *Я знаю, что вы также занимаетесь эмоциями и памятью...*

— Да. Прошлой осенью совместно с коллегами из Пекинского университета мы провели конференцию, посвященную значению эмоций для памяти, для идентичности людей, не только для коллективной, но и для индивидуальной памяти. Это исследование закончено, но результаты еще не опубликованы. В последних исследованиях я использую многое из того, что было сделано в предыдущие десятилетия. Я пытаюсь применить это к изучению того, что такое эмоции, как мы концептуализуем эмоции, как мы переносим эмоции на других людей и на другое поколение, как мы учимся эмоциям. Это текущие исследования, они подпитываются неумностью моего духа, осознанием того, что окончательных ответов не существует, и стремлением лучше понять мир, в котором мы живем. Как раз антропология кажется мне наиболее подходящим для этого междисциплинарным и международным подходом, новым способом получения знания в глобализованном мире. Именно это делает антропологию такой значимой для современности, особенно если придать ей комплексность, как я пытаюсь, сочетая историческое, этнографическое и философское мышление.

— *Скажите, а как организованы все эти проекты, о которых вы говорили?*

— Возьмем, например, «Логику и страсть». В этом проекте было ядро, основной исследовательский состав, около 60 человек, и приглашенные исследователи. Такая форма организации работы придавала стабильность исследовательскому процессу. По такой же модели организована и европейско-арабская группа проекта «Философия и антропология Средиземноморья»: там тоже есть основной состав и временные участники. Берлинское исследование ритуалов, которое продолжалось 12 лет и вылилось в 20 книг и 10 докторских диссертаций, было организовано так же. А вот берлинская группа, изучающая жесты, — это постоянная команда, мы встречаемся раз в четыре недели.

— *А с российскими учеными вы не планируете совместных проектов?*

— Вчера я был в Москве, в Российском государственном гуманитарном университете. Мы с проректором задумали три конференции в рамках немецко-европейско-российского сотрудничества. Тема первой конференции «Глобализация, сообщество, индивиды», второй — «Религия и эстетика», а третьей — «Образование и демократия». Мы хотим начать следующей весной и провести все три конференции в течение

года, две в Москве, одну в Берлине, и опубликовать результаты на трех языках — немецком, русском и английском. Но кроме проведения коротких конференций очень важно создать исследовательскую сеть, объединенную близкими темами, близкими подходами.

— *Я знаю, что вы приехали в Петербург после путешествия по Сибири. Каковы ваши впечатления?*

— Да, я посетил несколько сибирских городов: Омск, Иркутск, Абакан и Красноярск, и в каждом из них выступал с лекциями.

— *Это было в рамках какого-то проекта или по вашей собственной инициативе?*

— В этом выразился мой интерес и моя любовь к России. На мое решение повлияло еще и то, что в России переводятся мои книги. Мне также хотелось лучше понять вашу страну. Это было прекрасное путешествие. Прежде всего, я был поражен гостеприимством. Это просто чудесно! Настоящая добродетель, в смысле латинского слова *virtus*, по-настоящему дружелюбное отношение людей, которые были такими открытыми, такими заинтересованными, так поддерживали меня. Таково первое сильное впечатление. Второе связано с красотой природы. Мне очень нравятся березы — я люблю их с самого детства. Я впервые попробовал березовый сок. И еще, конечно, мне понравились российские студенты — очень открытые, с живым умом, с большим интересом к моим лекциям.

— *Ваши книги тоже вызывают в России большой интерес. Скажите, вы продолжаете развивать темы, которые затрагиваете в своей книге «К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал», вышедшей на русском языке, — или ваш интерес сместился к изучению эмоций?*

— Сейчас я действительно занимаюсь эмоциями, но использую те открытия, которые я сделал в отношении мимесиса, перформативности и ритуала. В этом году или в начале следующего я планирую завершить мой главный труд о ритуалах, и там будет и об эмоциях. У меня есть несколько тем, которые я развиваю в течение тридцати или даже сорока лет. Например, тема телесности, вопрос межкультурности. Еще будучи студентом, я начал работать в немецко-французской программе молодежного обмена. Затем я был президентом межуниверситетской сети в Амстердаме, включавшей 30 факультетов университетов разных европейских стран. Я работал с арабскими странами, с Индией, Китаем, Японией, но всегда имел в виду ситуацию в Германии. Я думаю, что в будущем грянут вызовы, которые я пытаюсь осознать.

— *То есть вы ориентированы на общее будущее?*

— Да, как я это вижу. Но я всегда держусь своей проблематики: тело, межкультурность, ритуалы, мимезис, антропология в широком смысле,

эстетика. У меня около 12 основных тем исследования. Но и другими вопросами я тоже занимаюсь, потому что я вице-президент немецкого отделения ЮНЕСКО. В 1970-е гг. я основал образовательное направление Международной ассоциации исследования мира. Я до сих пор предан этому служению миру, культурному разнообразию, устойчивому развитию.

— *Большое спасибо за интервью.*

Санкт-Петербург, 11 мая 2010 г.

Интервью провел и перевел с английского А.В. Тавровский

Краткая биобиблиография

Профессор **Кристоф Вульф** родился в 1944 г. в Берлине.

Образование, научно-исследовательская и преподавательская деятельность

Магистерскую диссертацию защитил в 1968 г. в Свободном университете Берлина. С 1970 по 1975 гг. работал научным сотрудником Немецкого института международных педагогических исследований (г. Франкфурт-на-Майне). Первую диссертацию (Promotion) защитил в 1973 г. в университете Филиппа (г. Марбург), вторую (Habilitation) там же в 1975 г. С 1975 г. профессор педагогических наук в университете г. Зигена. С 1980 г. профессор Свободного университета Берлина.

Вместе с Д. Кампером основал Междисциплинарный центр исторической антропологии в Свободном университете Берлина. Участник международной группы подготовки исследователей «InterArt», член коллаборативного исследовательского центра «Performing Cultures» и центра «Languages of Emotion» Свободного университета Берлина.

Кристоф Вульф проходил годичную научную стажировку в Стэнфордском университете и в университете Колорадо, США. Неоднократно стажировался в странах Южной Америки, Африки, Азии. Приглашенный профессор в университетах Парижа (Нантер, Сен-Дени, Дени Дидро), Амстердама, Стокгольма, Лондона, Токио, Европейского университета мира. Профессор *honoris causa* университета Бухареста.

Членство в научных ассоциациях и общественная деятельность

Кристоф Вульф является членом Международного центра культурологических исследований (г. Вена), ученого совета Национального института педагогических исследований (г. Париж/Лион), заместителем председателя Общества исторической антропологии, заместителем председателя немецкой комиссии ЮНЕСКО и председателем ее отдела по образованию, членом исполнительного совета и секретарем-основателем Комиссии по образованию Международной ассоциации изучения мира и др.

Членство в редакционных советах

Соредактор «Zeitschrift für Erziehungswissenschaft» («Журнал педагогических наук») и книжных серий «Историческая антропология» (1988-), «Европейские исследования в области образования» (1995-), «Педагогическая антропология» (1996-); редактор «Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie» (1992-) («Параграна. Международный журнал исторической антропологии»); член редакционных советов нескольких международных журналов.

Избранные публикации

Монографии и книги в соавторстве

Das politisch-sozialwissenschaftliche Curriculum. Eine Analyse der Curriculumentwicklung in den USA. München: Piper, 1973.

Theorien und Konzepte der Erziehungswissenschaft. München: Juventa-Verlag, 1978.

Gesamtschulalltag — Die Fallstudie Kierspe — Lehr-, Lern- und Sozialverhalten an nordrhein-westfälischen Gesamtschulen. Paderborn: Schöningh, 1979. (mit J. Diedrich)

Im Schatten der Milchstraße — Erfahrungen auf dem “Camino de Santiago”. Tübingen: Konkurs Buchverlag C. Gehrke, 1981. (mit D. Kamper)

Mimesis — Kultur — Kunst — Gesellschaft. Reinbeck: Rowohlt, 1992. (mit G. Gebauer) (англ. изд.: *Mimesis — Culture — Art — Society* / translated by D. Reneau. Los Angeles: University of California Press, 1995)

Spiel, Ritual, Geste. Mimetisches Handeln in der sozialen Welt. Reinbeck: Rowohlt, 1998 (mit G. Gebauer).

Anthropologie der Erziehung. Eine Einführung. Weinheim/Basel: Beltz Verlag, 2001.

Mimetische Weltzugänge. Soziales Handeln — Rituale und Spiele ästhetische Produktionen. Stuttgart: Kohlhammer, 2003. (mit G. Gebauer)

Anthropologie. Geschichte, Kultur, Philosophie. Reinbek: Rowohlt, 2004. (рус. изд.: *Антропология: История, культура, философия* / Пер., послесл. и коммент. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. Изд. 2-е испр. 2008)

Zur Genese des Sozialen: Mimesis, Performativität, Ritual. Bielefeld: Transcript, 2005. (рус. изд.: *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал* / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Интерсоцис, 2009)

Anthropologie kultureller Vielfalt. Interkulturelle Bildung in Zeiten der Globalisierung. Bielefeld: Transcript, 2006.

Anthropologie. Geschichte-Kultur-Philosophie. Köln: Anaconda, 2009 (völlig neu bearb. 2. Auflage).

Книги под редакцией

Wörterbuch der Erziehung. München: Piper, 1974.

Die Wiederkehr des Körpers / eds. C. Wulf, D. Kamper. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1982.

Der Andere Körper / eds. C. Wulf, D. Kamper. Berlin: Verlag Mensch und Leben, 1984.

Das Schwinden der Sinne / eds. C. Wulf, D. Kamper. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1984.

- Lust und Liebe. Wandlungen der Sexualität* / ed. C. Wulf. München: Piper, 1985.
- Lachen — Gelächter — Lächeln: Reflexionen in drei Spiegeln* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Frankfurt/M.: Syndikat, 1986.
- Die sterbende Zeit* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Darmstadt/Neuwied: Luchterhand, 1987.
- Das Heilige — seine Spur in der Moderne* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Frankfurt/M.: Athenäum, 1987.
- Das Schicksal der Liebe* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Weinheim: Quadriga Verlag, 1988.
- Die erloschene Seele* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Berlin: Reimer, 1988.
- Transfigurationen des Körpers. Spuren der Gewalt in der Geschichte* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Berlin: Reimer, 1989.
- Looking Back on the End of the World* / eds. C. Wulf, D. Kamper et al. New York: Semiotext(e), 1989.
- Der Schein des Schönen* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Göttingen: Steidl Verlag, 1989.
- Die Seele. Ihre Geschichte im Abendland* / eds. C. Wulf, G. Jüttemann, M. Sonntag. Weinheim: Beltz, 1991.
- Schweigen. Unterbrechung und Grenze der menschlichen Wirklichkeit* / eds. C. Wulf, G. Gebauer. Berlin: Reimer Verlag, 1992.
- Praxis und Ästhetik. Neue Perspektiven im Denken Pierre Bourdieus* / eds. C. Wulf, G. Gebauer. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993.
- Einführung in die pädagogische Anthropologie* / ed. C. Wulf. Weinheim: Beltz, 1994.
- Anthropologie nach dem Tode des Menschen. Vervollkommnung und Unverbesserlichkeit* / eds. C. Wulf, D. Kamper. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994.
- Education in a Period of Social Upheaval. Educational Theories and Concepts in Central East Europe* / eds. C. Wulf, S. Sting. Münster: Waxmann, 1994.
- Ethik der Ästhetik* / eds. C. Wulf, D. Kamper, H.U. Gumbrecht. Berlin: Akademie Verlag, 1994.
- Das zivilisierte Tier. Zur Historischen Anthropologie der Gewalt* / eds. C. Wulf, M. Wimmer, B. Dieckmann. Frankfurt: Zeit Schriften Fischer, 1996.
- Aisthesis/Ästhetik. Zwischen Wahrnehmung und Bewußtsein* / eds. C. Wulf, K. Moltenhauer. Weinheim: Deutscher Studienverlag, 1996.
- Altern braucht Zukunft* / eds. C. Wulf, B. Hoppe. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1996.
- Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie* / ed. C. Wulf. Weinheim: Beltz, 1997.
- Planète: l'aventure inconnue* / eds. E. Morin, C. Wulf. Paris: Mille et une nuit, 1997.
- Education for the 21st Century. Commonalities and Diversities* / ed. C. Wulf. Münster: Waxmann, 1998.
- Bild, Bilder, Bildung* / eds. G. Schäfer, C. Wulf. Weinheim: Beltz Wissenschaft, 1999.
- Transformationen der Zeit* / eds. J. Bilstein, G. Miller-Kipp, C. Wulf. Weinheim: Beltz Wissenschaft, 1999.
- Metamorphosen des Raums. Erziehungswissenschaftliche Forschungen zur Chronotologie* / eds. E. Liebau, G. Miller-Kipp, C. Wulf. Weinheim: Beltz Wissenschaft, 1999.

Grenzgänge. Über den Umgang mit dem Eigenen und dem Fremden / eds. C. Wulf, R. Hess. Frankfurt/Main, New York: Campus Verlag, 1999.

Körperteile. Eine kulturelle Anatomie / eds. C. Benthien, C. Wulf. Reinbek: Rowohlt, 2001.

Anthropologie pädagogischer Institutionen / eds. E. Liebau, D. Schuhmacher-Chilla, C. Wulf. Weinheim: Deutscher Studienverlag, 2001.

Die performative Bildung von Gemeinschaften. Zur Hervorbringung des Sozialen in Ritualen und Ritualisierungen / eds. C. Wulf, J. Zirfas // Paragrana. Internationale Zeitschrift für historische Anthropologie. 2001. Band 10. Heft 1.

Horizontverschiebung. Umzug ins Offene? / eds. D. Kamper, C. Wulf // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2001. Band 10. Heft 2.

Grundlagen des Performativen. Eine Einführung in die Zusammenhänge von Sprache, Macht und Handeln / eds. C. Wulf, M. Göhlich, J. Zirfas. Weinheim/München: Juventa Verlag, 2001.

Logik und Leidenschaft. Erträge Historischer Anthropologie / eds. C. Wulf, D. Kamper. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002.

Natur. Pädagogisch-anthropologische Perspektiven / eds. E. Liebau, H. Peskoller, C. Wulf. Weinheim: Beltz-Verlag, 2003.

Rituelle Welten / eds. C. Wulf, J. Zirfas // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Band 12. Heft 1 und 2.

Körper und Recht. Anthropologische Dimensionen der Rechtsphilosophie / eds. C. Wulf, L. Schwarte. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003.

Formen des Religiösen. Pädagogisch-anthropologische Annäherungen / eds. C. Wulf, H. Macha, E. Liebau. Weinheim: Beltz, 2004.

Die Kultur des Rituals. Inszenierungen. Praktiken. Symbole / eds. C. Wulf, J. Zirfas. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004.

Bildung im Ritual. Schule, Familie, Jugend, Medien / eds. C. Wulf, B. Althans, K. Audehm, K. Bausch, B. Jörissen, M. Göhlich, R. Mattig, A. Tervooren, M. Wagner-Willi, J. Zirfas. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.

Penser les pratiques sociales comme rituels. Ethnographie et genèse de communautés / eds. C. Wulf et al. Paris: L'Harmattan, 2004.

Rausch, Sucht, Ekstase / eds. C. Wulf, J. Zirfas // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2004. Band 13. Heft 2.

Die Seele. Ihre Geschichte im Abendland / eds. G. Jüttemann, M. Sonntag, C. Wulf. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.

Ikonologie des Performativen / eds. C. Wulf, J. Zirfas. München: Wilhelm Fink Verlag, 2005.

Körpermaschinen — Maschinenkörper. Mediale Transformationen / eds. K.-P. Köpping, B. Papenburg, C. Wulf // Paragrana. Internationale Zeitschrift für historische Anthropologie. 2005. Band 14. Heft 2.

«Rituels» / eds. C. Wulf, G. Boëtsch // Hermès. N. 43. 2005.

Performanz des Rechts. Inszenierung und Diskurs / eds. P. Diehl, H. Grunwald, T. Scheffer, C. Wulf // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2006. Band 15. Heft 1.

Bild und Einbildungskraft / eds. B. Hüppauf, C. Wulf. München: Fink, 2006.

Hidden Dimensions of Education. Rhetoric, Rituals and Anthropology / eds. C. Wulf, T. Werler. Münster: Waxmann Verlag, 2006.

Pädagogische Theorien des Lernens / eds. M. Göhlich, C. Wulf, J. Zirfas. Weinheim: Beltz, 2007.

Concepts of Aesthetic Education. Japanese and European Perspectives / eds. Y. Imai, C. Wulf. Münster: Waxmann, 2007.

Muße / C. Wulf, J. Zirfas // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2007. Band 16. Heft 1.

Klanganthropologie. Performativität — Imagination — Narration / eds. H. Schulze, C. Wulf // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2007. Band 17. Heft 1.

Mythen des Blutes / eds. C. von Braun, C. Wulf. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2007.

Mimesis, Poiesis, and Performativity in Education / eds. S. Suzuki, C. Wulf. Münster: Waxmann, 2007.

Schwerpunkt: Kulturelle Diversität / C. Wulf, I. Gogolin // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2007. N 1.

Pädagogik des Performativen. Theorien, Methoden, Perspektiven / eds. C. Wulf, J. Zirfas. Weinheim: Beltz, 2007.

Lernkulturen im Umbruch / C. Wulf et al. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.

Die Kultur der Freundschaft. Praxen und Semantiken in anthropologisch-pädagogischer Perspektive / eds. M.S. Baader, J. Bilstein, C. Wulf. Weinheim: Beltz, 2008.

Geburt in Familie, Klinik und Medien. Eine qualitative Untersuchung / eds. C. Wulf, B. Althans, J. Foltys, M. Fuchs, S. Klasen, J. Lamprecht, D. Tegethoff. Opladen: Budrich, 2008.

Das menschliche Leben / C. Wulf, J. Zirfas // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. 2008. Band 18. Heft 2.

Das Imaginäre der Geburt. Praktiken, Narrationen und Bilder / eds. C. Wulf, A. Hänsch, M. Brumlik. Paderborn; München: Fink, 2008.

Violence, Religion et Dialogue Interculturel. Perspectives Euroméditerranéennes / eds. J. Poulain, F. Triki, C. Wulf. Paris: Editions L'Harmattan, 2008.

Dynamics and performativity of imagination. The image between the visible and the invisible / eds. B. Hüppauf, C. Wulf. New York: Routledge, 2009.

The Body in India. Ritual, Transgression, Performativity / eds. C. Wulf, A. Michaels. London: Routledge, 2009.

Erziehung und Demokratie: Europäische, muslimische und arabische Länder im Dialog / eds. C. Wulf, J. Poulain, F. Triki. Berlin: Akademie-Verlag, 2009.

Gesten in Erziehung, Bildung und Sozialisation / eds. C. Wulf et al. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.